U 25/367

II 25
367

П. Ворзаковскій.

ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ.

(*Изъ моихъ воспоминаній*).

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.
21911-О

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25 апрѣля 1898 г.

2007079059

ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ.

(*Изъ воспоминаній* *).

I.

Въ ожиданіи.

Реформы ждали, о реформѣ говорили, слово „реформа“ склоняли во всѣхъ числахъ и падежахъ, реформы желали, реформы боялись... Сущности ея никто не представлялъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленно, зато въ конкретныхъ поясненіяхъ было много правды, и бурсакъ чувствовалъ, что—какъ ни какъ, а въ благодѣтельности этой самой реформы сомнѣнія быть не можетъ. Когда „Мазница“ **), начавшій уже говорить бурсаку „вы“, хоть и сбивавшійся еще на „ты“, прибѣгалъ къ своему излюбленному наказанію—щелчку въ лобъ, бурсакъ, какъ и прежде, не грубилъ, не протестовалъ, но и кротости прежней уже не обнаруживалъ: „ну! защелкаешь ты зубами послѣ реформы!“ говорилъ онъ мысленно, стиснувъ кулакъ и показывая его въ спину спокойно удалявшемуся инспектору. Украшенный шишкой, величиной съ волошскій орѣхъ, бурсакъ совершенно искренно былъ въ этотъ моментъ убѣжденъ, что, въ самомъ крайнемъ

*) Настоящій очеркъ изъ быта дореформенной бурсы имѣетъ близкую связь съ очеркомъ того-же автора подъ заглавіемъ „Майскія рекреаціи въ бурсѣ“, помѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., № 5.

**) Такъ пер—вскіе бурсаки прозвали своего инспектора; о немъ см. въ прежнемъ очеркѣ „Майскія рекреаціи“.

случаѣ, реформа дастъ ему право откинуться назадъ и показать тирану носъ: „а дудки не хочешь?“ Когда сторожъ многозначительно давалъ понять, что сила его еще не ослабѣла, бурсаки не вступали въ явныя пререканія, но каждый думалъ уже одно: „постой, постой!... почувствуешь ты силу!“ Реформа не была-бы реформой, если бы не принесла съ собой права дать зуботычину сторожу. Когда симпатичнѣйшій отецъ Ѳедоръ, не прибѣгая, по обыкновенію, къ ругани и линейкѣ, дѣлалъ внушеніе: „о чемъ-молъ-вы думаете? какъ вамъ не стыдно?“ и т. под., бурсаки перешептывались: „онъ понимаетъ реформу!“ Даже квартирныя хозяйки должны были слово „реформа“ внести въ свой обиходный лексиконъ. И, если сказать правду, врядъ ли кто-нибудь, не считая, конечно, бурсаковъ, такъ интересовался грядущей реформой, какъ эти самыя хозяйки.

„А казенныхъ тоже будемъ держать?“ тревожно спрашивали онѣ, жадно вслушиваясь въ разговоры синтактиковъ и готовыя за отрицательный отвѣтъ увеличить порцію и блиновъ, и „пампушекъ“. Въ самомъ дѣлѣ, „казенные“ составляли для нихъ „наказаніе Господне“: при какихъ-нибудь четырехъ своекоштныхъ, платившихъ и мало, и больше патурой, онѣ должны были непремѣнно держать одного казеннаго, получая за все—и за уголъ, и за столъ, и за стирку бѣлья, и даже за починку платья—всего-на-всего 20—22 рубля въ годъ! Но и синтактики рѣдко оказывались на высотѣ пониманія, и хозяйкамъ все-таки оставалось одно: вздыхать и чего-то ждать. А столъ улучшался таки: сообразительныя мѣщанки прекрасно понимали, что лишней ложкой масла каши не испортишь, и что разъ явится ревизоръ (а пріѣздъ его, какъ послѣдняго предвѣстника реформы, не вызывалъ уже сомнѣній), легко возникнетъ вопросъ о правѣ ихъ содержать квартиру... Главное же, что смущало старыхъ квартиро-хозяекъ, это—рѣшенный уходъ стараго инспектора послѣ реформы. Явится новый, и тогда не возможно будетъ хотя-бы-то, что случалось на одной квартирѣ.

Сговорились бурсаки жаловаться „Мазницѣ“, что такая-то хозяйка плохо кормитъ. Инспекторъ выслушалъ жалобу и обѣ-

щалъ посѣтить квартиру во время обѣда. Проходитъ недѣля, другая—инспектора нѣтъ. Терпѣніе бурсаковъ истощается. Отвѣдавъ какъ-то постнаго борщу и увидѣвъ, что хозяйка перешла всякія границы возможнаго, что порядочный ховяинъ даже свиньямъ не дастъ никогда ничего подобнаго, они снаряжаютъ депутата къ инспектору, а сами чинно сидятъ, не ѣдятъ „перваго“, не требуютъ и „слѣдующаго“, ждутъ. Инспекторъ является: падутый, сердитый... Молча подходитъ онъ къ столу, беретъ ложку, пробуетъ борщъ..

„У васъ всегда такой борщъ?“

— Часто бываетъ хуже, господинъ инспекторъ! врутъ бурсаки въ одинъ голосъ, не обнаруживая ни малѣйшаго состраданія къ хозяйкѣ, которая, разумѣется, стоитъ тутъ же съ готовымъ запасомъ оправданій, что, молъ, такъ случилось, вышелъ запасъ своей капусты, взяла у такой-то, а у нея не столько квартирантовъ и т. под.

„Ты коноводилъ?“ спрашиваетъ инспекторъ великовозрастнаго грамматика, вовсе даже не по желанію попавшаго въ депутаты. Чуется наступленіе грозы: ея признаки—и на суровой физіономіи инспектора, и на просвѣтляющемся лицѣ хозяйки...

— Нѣтъ, я... робко начинаетъ тотъ.

„Сынъ отца протоіерея“... явитъ инспекторъ по адресу грамматика, какъ разъ сына пономаря, да еще и заштатнаго: „у папиньки привыкъ пундики кушать... Вотъ я тебѣ покажу, какъ бунтовать!... Да знаешь ли ты, глупое животное, какъ *насъ* кормили?!“

И начинается внушеніе, за внушеніемъ неизбѣжно слѣдуютъ: полный конфузъ бурсаковъ, явное торжество хозяйки, донесеніе ректору, „неблаговолъ“ ко всѣмъ квартирантамъ...

„Ну!... наступитъ реформа!...

И въ этомъ—все утѣшеніе голодныхъ бурсаковъ, дѣйствительно не избалованныхъ „пундиками“, но все же способныхъ отличать борщъ отъ помоевъ. Съ реформой и новымъ инспекторомъ ничего подобнаго не можетъ быть...

Меньше всего смущалъ бурсаковъ вопросъ о томъ, что принесетъ реформа для ихъ убогой науки. Въ критику программъ и способовъ ихъ выполненія никто и никогда не вдавался. А между тѣмъ и съ этой стороны подходило что-то новое... Вдругъ, напр., откуда ни возьмись, появляется новая греческая грамматика. Получено всего нѣсколько экземпляровъ, досталось по одному на добрый десятокъ учениковъ, вмѣнено въ строжайшую обязанность бережно хранить, передавать и другимъ классамъ, а къ концу года сдать въ цѣлости. Не умѣли-ли взяться за нее, мало-ли ужъ очень было экземпляровъ, только злосчастная грамматика поселила паническій страхъ среди бурсаковъ, которые почувствовали себя, какъ крестьяне въ Юрьевъ день: „вотъ она—реформа!“ И невольные вздохи сопровождали полеты этой ласточки изъ класса въ классъ... Или вдругъ ни съ того, ни съ сего отмѣнили полугодовые экзамены. Положимъ, экзамены и передъ Рождествомъ, и передъ каникулами—дѣло, конечно, не легкое; положимъ, зимніе экзамены больше лѣтнихъ огорчали бурсаковъ, которые въ это какъ разъ время такъ аппетитно мечтали о домашнихъ колбасахъ и такъ жадно смотрѣли за ворота, не покажется ли подвода... Но изъ противорѣчій созданъ весь человѣкъ: тѣ же бурсаки и пожалѣли о зимнихъ экзаменахъ, прекрасно понимая, что теперь прійдется все сдавать сразу за цѣлый годъ, сдавать притомъ въ іюнѣ, когда и безъ экзаменовъ жарко... Стали давать книги для чтенія... Это ужъ и совсѣмъ нѣчто несуразное. Какъ читать? Зачѣмъ читать? Всѣ такъ привыкли учить, зубрить, сдавать вызубренное авдитору*), потомъ учителю и получать отмѣтку со всѣми ея послѣдствіями, что чтеніе безъ столь опредѣленной цѣли рѣшительно не укладывалось въ головѣ. Чтеніе-то, конечно, существовало: учителя часто носили подъ мышкой толстыя книги, какія-то книги стояли въ шкафу въ учительской, по рукамъ бурсаковъ очень часто ходили списанные стихи... Послѣдніе получались обыкновенно такъ: ученики, живущіе на

*) См. ниже.

квартирѣ учителя, первые узнавали и списывали, а отъ нихъ уже рукопись распространялась по всему училищу. И странное дѣло! Никому въ голову не приходило обратить вниманіе на то, что, вѣдь, бурсаки удивительно способны увлекаться поэзіей. Попалась имъ ода „Богъ“ Державина. Я рѣшительно готовъ думать, что даже современники, не исключая и самой Екатеринѣ II, не увлекались такъ этой одой въ годъ ея появленія, какъ увлекались бурсаки чрезъ 80 лѣтъ...

„Отъ, братъ, написалъ!!“

Это—высшая похвала, похвала отъ такого избытка сердца, когда уста отказываются глаголать. Изъ другихъ поэтовъ больше всѣхъ посчастливилось Шевченку. Отчасти повліяла на это „Основа“, главнымъ же образомъ—общее увлеченіе твореніями великаго поэта, увлеченіе, коснувшееся всѣхъ уголковъ Малороссіи. Было, впрочемъ, одно еще частное обстоятельство: жительство въ томъ городѣ друга Шевченка, доктора Козачковскаго... Послѣдняго и не знали вовсе, но тѣмъ умилительнѣе было это благоговѣніе къ деревянному забору, окружавшему дворъ, гдѣ бывалъ когда-то Шевченко *). Изъ устъ въ уста ходили экспромты, будто бы сказанные поэтомъ въ домѣ Казачковскаго остроты, анекдоты. Я склоненъ думать, что Тарасу Григорьевичу было приписываемо то, въ чемъ онъ рѣшительно не былъ повиненъ, но—повторяю—обо всемъ этомъ нельзя вспомнить безъ какого-то умиленія...

Ввели вдругъ уроки рисованія. Положимъ, это—чисто дѣло случая: отцу діакону Д-му, изрядному рисовальщику, захотѣлось попасть въ учителя духовнаго училища, такъ или иначе—высшаго въ П. разсадника просвѣщенія; но кто же думалъ объ этомъ? Положимъ, дѣло не наладилось и не могло наладиться: ни пособій не было, ни мало-мальски подходящей обстановки,

*) Здѣсь возможно допущеніе нѣкоторой неточности. Все основано на припоминаніи: бурсаки не могли пройти мимо „дома Козачковскаго“, чтобы не остановиться, не сказать о Шевченкѣ, не повторить одного и того-же въ сотый разъ. Домъ—по дорогѣ къ купанью, потому часто приходилось ходить мимо. За 30—35 лѣтъ многое можно забыть. Оговариваю возможную неточность. Авторъ.

ни умѣнья у господина учителя; но дѣло не въ этомъ, и однимъ признакомъ наступленія реформы стало больше. И отецъ діаконъ говорилъ: „*теперь* нужно учиться рисовать.“ И учились. Вотъ получили для „перерисовки“ какую-то иллюстрацію. Картина изображала козака, вооруженнаго съ ногъ до головы. „Перерисовывали“ ее и при помощи прозрачной бумаги, т. е. смазанной свѣчнымъ саломъ, и при помощи оконнаго стекла, и „на глазъ“,—и всего одинъ получилъ похвалу, да и то съ оговоркой: „хорошо, только усы—настоящіе усы!“

Разговоры объ ожидаемой реформѣ наполняли всѣ досуги бурсаковъ, и въ бесѣдахъ этихъ обнаруживалось далеко не малое число скептиковъ, которые, въ сущности, и поддерживали оживленные разговоры. Скептики умѣли подбирать какъ разъ то, что составляло наименѣе отрадные признаки реформы, группировали факты и самоё реформу ѣдко рисовали въ образѣ какой-то бабы-яги, шествующей въ классическихъ мокроступахъ Мазницы и заметающей слѣдъ помеломъ изъ березовыхъ прутьевъ...

— „Чорта съ этой реформы! Peдреаціи *) похѣрятъ, засадятъ за новую греческую грамматику, напрутъ на годовой экзаменъ, вмѣсто порки среди двора будутъ драть въ карцерѣ, будутъ турить **) изъ училища за всякую малость и при этомъ, конечно, называть „вы“: „вы“—молъ—исключены...“

— Ну, а теперь не исключаютъ?

— „Да пойми же ты, глупая голова, что теперь хоть исключаютъ, но не сразу: по три—четыре года держатъ...“

— Да *тебѣ*-то чего кипятиться? Вѣдь, въ первый разрядъ уже перелѣзаешь...

— „А я развѣ за себя? Реформа не для меня одного...“ Больше всего интересовали бурсаковъ бесѣды на ту же тему съ учителями. Уже самый фактъ, что учителя вступали въ бесѣду, въ подобный разговоръ съ учениками, конечно, говорилъ

*) Рекреація на обыденномъ языкѣ бурсаковъ, со вставкою латинскаго g.

**) Выгонятъ вонъ.

о реформѣ. Учителя знаютъ все. Если они многое скрываютъ, то иначе нельзя: права не имѣютъ говорить все. Однако жъ, на вопросы учениковъ отвѣчаютъ, а съ синтактиками часто сами и разговоръ начинаютъ.

— „Отецъ Ѳедоръ! Правда-ли, что бить не будутъ?“

— Будто васъ теперь бьютъ! уклончиво отвѣчаетъ отецъ Ѳедоръ.

— „Ого! А зимой Осипъ Карповичъ не далъ корешковъ за то, что грѣлись?“

Это было въ морозное утро. Сараи—классы не отапливались. Въ передней, раздѣлявшей два класса, бурсаки „грѣлись“, устроивъ общій кулачный бой—свалку. Поднялся невообразимый шумъ. Пыль стояла, точно облако. Осипъ Карповичъ нагрянулъ... Услышавъ шумъ, онъ не пошелъ въ учительскую за журналомъ, и бурсаки ошиблись въ разсчетѣ—не могли его видѣть. Онъ прошелъ изъ воротъ прямо въ классы. Виноваты были всѣ, и всѣмъ „влетѣло“: каждый, по очереди, получилъ нѣсколько ударовъ корешками пучковъ розокъ въ ладони...

Отецъ Ѳедоръ улыбается, отъ прямого отвѣта на вопросъ уклоняется; ясно, что „вопросъ“ не рѣшенъ,—скептикамъ на руку.

— „И все по новой грамматикѣ будутъ учить?“

— О, да!

— Трудно...

— Что вы?—И отецъ Ѳедоръ начинаетъ выяснять: Напротивъ, именно—легко. Подумайте: въ новой—слова, примѣры, форма, потомъ правило...

Увы! Бѣдный бурсакъ слишкомъ привыкъ къ иному методу, и самые убѣдительные доводы даже любимаго учителя не сразу могли убѣдить его въ легкости новаго.

Когда вопросъ о реформѣ и ея благодѣяніяхъ обращался къ самому инспектору, послѣдній останавливался, молчалъ, измѣрялъ взглядомъ вопрошавшаго и потомъ изрекалъ многозначительно: „Глупое ты животное!“ Бесѣда тѣмъ и кончалась... Впрочемъ, инспекторъ, смотря по расположенію духа, добавлялъ иногда: „Вамъ же будетъ хуже!“ И тогда слова его передава-

лись изъ устъ въ уста, на всѣ лады комментировались, подтверждали близость реформы, но укрѣпляли скептиковъ въ недовѣріи и опасеніяхъ.

— „Ѳедоръ Степановичъ! Скоро реформа?“

— А вамъ-то что?

Вопросившій становится въ тупикъ, кто-то является на выручку: „хочетъ—молъ—сосчитать, сколько еще шишекъ на лбу выростетъ...“

Довольно ординарная острота вызываетъ всеобщій смѣхъ: бурсакъ радъ, что представился случай безнаказанно подсмѣяться надъ Мазницей.

— „А правда, что передъ самой реформой ревизоръ пріѣдетъ?“

— О, это весьма вѣроятно!

Учитель принялъ серьезный видъ. Веселое настроеніе всѣхъ оставляетъ. Можно подумать, что ревизоръ уже за спиной...

II.

Авдиторы и эраты.

Учителя, видимо, стали мало придавать значенія излюбленному пріему провѣрки учениковъ—*эратамъ*, иные вовсе ихъ похѣрили,—это тоже явный признакъ наступленія реформы. Ученики почувствовали это, и постарались помочь окончательному упраздненію эратъ, составлявшихъ во многихъ отношеніяхъ преоригинальное явленіе, стоющее воспроизведенія.

Обыкновенно изъ учениковъ, заслужившихъ довѣріе учителей, т. е. исправно учившихъ уроки, избирались такъ называемые „авдиторы,“ отъ латинскаго слова „audio“ слушаю. Авдитору назначали отъ 2 до 5-ти и даже больше учениковъ, которыхъ они „выслушивали“. Авдиторъ заводилъ у себя особую тетрадь—вѣдомость, называвшуюся „эратой“. Въ эратѣ писались всѣ ученики, порученные авдитору, ихъ имена и фамиліи, затѣмъ—отводились клѣтки подъ числами мѣсяца, какъ это дѣ-

лается въ обыкновенномъ классномъ журналѣ. Въ клѣткахъ дѣлались соотвѣтствующія отмѣтки: знаетъ урокъ—„sc“ (т. е. scit), не знаетъ—„nsc“ (non scit), ошибается—„er“ (т. е. errabat). Ежедневно передъ урокомъ авдиторъ долженъ былъ „выслушать“ всѣхъ своихъ кліентовъ и каждому сдѣлать отмѣтку, какой заслужилъ. Послѣ этого эраты тщательно складывались на столѣ, и учитель, просматривая ихъ во время урока, вызывалъ однихъ, распекалъ другихъ, хвалилъ третьихъ.

Сколько забавныхъ и печальныхъ недоразумѣній порождалось этимъ оригинальнымъ пріемомъ провѣрки!

— „Ты у кого въ эратѣ?“

— У N...—слѣдуетъ нецензурное прозвище авдитора.

— „Ну?“

— Ей-Богу!

— „А я, братъ, у Васьки.“

— Э! тебѣ—лафа!

Чтобы понять всю соль этого діалога, надо знать отношеніе авдиторовъ къ своимъ обязательствамъ. Авдиторъ—подлиза къ начальству, начиналъ съ того, что готовилъ позолоченную пилюлю—роскошную эрату: онъ графилъ ее, какъ заправскій чертежникъ; заглавіе писалъ самъ или даже заказывалъ писать тому, кто особенно искусился въ дѣланіи всякихъ виньетокъ; нерѣдко пускались въ ходъ краски, и получалась „шикозная“ эрата, невольно обращавшая на себя вниманіе учителя, который готовъ былъ видѣть въ этомъ особенное стараніе и почтительность авдитора. Увы! дальнѣйшія украшенія эраты были уже иные: „nsc“ и „er“ занимали всѣ клѣтки, „sc“ попадалось, какъ оазисъ въ пустынѣ, распеканіямъ и всевозможнымъ возмездіямъ не было конца. Это—дѣйствія авдитора самоувѣреннаго, подлипайлы, зазнавшагося. „Настоящій“ авдиторъ пренебрегалъ формой и заискивающе держалъ себя по отношенію къ находящимся въ его эратѣ. Правда, такое отношеніе не всегда отличалось безукоризненной нравственной чистотой: иной боялся самъ попасть въ эрату, иной зорился на деревенскія лакомства; но въ „настоящемъ“ авдиторѣ часто крылось спасеніе отъ бѣды...

Утро. До начала урока остается немного. По двору ходятъ парами: „выслушиваніе“ въ разгарѣ. Иные отдѣлились: то—повторяющіе уроки въ ожиданіи призыва со стороны авдитора. Иные весело или понуря голову направляются въ классъ: это—спрошенные и получившіе свое „sc“ или „er“. Иные идутъ съ гордо поднятой головой и окруженные товарищами: это—авдиторы, глухіе къ мольбамъ плохо сдавшихъ урокъ... Посторонній ничего не разобралъ бы въ этой разошедшейся по просторному и далеко не уютному двору толпѣ, но тотъ, кто зналъ, въ чемъ дѣло, и во-время прислушался къ жужжанію, могъ услышать подъ-часъ такіе разговоры.

— „Ну, нѣтъ, братъ, я тебѣ отплачу за твои „несциты“ (nsc)... Покряхти теперь...“

Это говоритъ грамматикъ своему подневольному товарищу. Послѣдній попалъ въ эрату къ первому, какъ часто попадали по игрѣ злой судьбы: былъ самъ авдиторомъ, но залѣнился, сталъ проказить и мало того, что лишенъ авдиторства,—на это бы наплевать, но вотъ главное горе—онъ отданъ еще въ эрату тому, кто былъ въ его эратѣ, да постарался, исправился, „перегналъ“ самого авдитора, „ссадилъ“ его и теперь мститъ... И разъяреннѣйшій инквизиторъ не придумалъ бы большей пытки, какую изобрѣлъ Мазница... И, вѣдь, это чучело еще само прибавитъ мученій: посмотритъ въ эрату, увидитъ „nsc“, подыметъ хохотъ, за нимъ разразится хохотомъ весь классъ,—чортъ знаетъ, что такое!

— „А ты учись, опять будешь авдиторомъ!“

И мудрый педагогъ не шутя думалъ, что его алюры—безподобное средство заставитъ учиться!...

— „Дать?“

Авдиторъ смотритъ: „галда“ *). Слюнки текутъ; но дающій, вѣдь, ровно ничего не знаетъ... Куда ни шло! Авдиторъ аппетитно уплетаетъ какіе-нибудь „вергуны“ **), въ эратѣ красуется „sc“. Хорошо, если сойдетъ, а попадешься?

---

*) Угощеніе.

**) Хрусты.

— „А ты что-жъ это поставилъ „sc“, а? Это, по-твоему, „scit?“

— Онъ, зналъ, ей-Богу, зналъ...

„Ахъ, ты...“ И пошла писать!...

А, вѣдь, „онъ“ и въ самомъ дѣлѣ могъ знать? Раздумываетъ учитель, соображая возможные фокусы.

„Ивановъ! Ты зналъ?“

— Зналъ...

— „Когда жъ ты успѣлъ забыть?“

— Голова болитъ, господинъ учитель...

— „Врешь, шельмецъ, врешь... Петровъ! Сдай эрату такому-то: не стоишь...“

Петрову, однако, не стыдно и не обидно: онъ попадаетъ даже въ герои бурсы, какъ падающій въ яму, которой не рылъ. А вотъ Семенову—о! тому жутко... Взъѣлись на него эратные и сговорились допечь. Спрашиваетъ—ни одинъ ни въ зубъ. Просто не вѣрится.

„Послушай! Ты жъ вчера училъ!“

— Училъ.

„Ну?“

— Трудно, въ головѣ путается....

Семеновъ пишетъ: „er“, „nsc“, „er“, „nsc“,—всѣ плохо. Инспекторъ щуритъ глаза, себѣ не вѣритъ.

„Ни одинъ?“

— Я зналъ!

— И я зналъ!

— И я!

— И я!

„Ступайте сюда!“

Квартетъ у стола. Лица—ясныя, смотрятъ увѣренно, лукавая улыбка скользитъ по физіономіямъ, классъ приготовился къ спектаклю.

— „Говори ты урокъ!“

Первый говоритъ безъ запинки. Семеновъ волнуется. Инспекторъ недоумѣваетъ, классъ оживляется.

— „Продолжай ты!“

Еще лучше. Что за исторія? Семеновъ пытается оправдаться: сговорились...

— „Не мѣшай!“

Третій не уступаетъ первому, четвертый—второму. Классъ ажитированъ. Семеновъ—подлиза, не „настоящій“ авдиторъ, провалъ его готовъ. Инспекторъ хочетъ разслѣдовать.

— „Сговорились?“

— Нѣтъ! И всѣ четверо, какъ невинные агнцы, переглядываются.

— „Сговорились?“

— Ей-Богу, нѣтъ! И физіономіи всѣхъ принимаютъ и серьезное, и обиженное, и недоумѣвающее выраженіе.

Инспекторъ настроенъ довольно благодушно. Резолюція—милостивая для бунтовщиковъ, но все-таки непріятная для Семенова: „насильно милъ не будешь“, и... эрата передается другому. Торжество полное. Инспекторъ на вышелъ еще изъ класса, какъ всѣ четверо показываютъ Семенову длиннѣйшій носъ...

— „Что записать?“ спрашиваетъ авдиторъ-либералъ, не симпатизирующій эратѣ и пользующійся большими симпатіями эратныхъ.

— Scit.

— „А тебѣ?“

— Errabat...

Записи дѣлаются безъ спрашиванія. И—странное дѣло!—такія именно записи всегда и оказывались наиболѣе вѣрными...

Выдѣлялись авдиторы, попасть къ которымъ не одинъ бурсакъ считалъ за большое счастье. Это своего рода идеалисты. Для такого авдитора написать „nsc“ или „er“—сущее наказаніе, и онъ уже наканунѣ торгуется съ эратными, часто, и даже въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не понимавшими чудака-авдитора.

— „Что-жъ ты не учишь?“

— Выучу!

— „Знаемъ мы—выучу. Давай вмѣстѣ учить.“

— Давай.

И учатъ вмѣстѣ, хотя самъ авдиторъ давно уже выучилъ.

— „Чудакъ!“ судятъ эратные.

— Чудакъ, а молодчина!

— „И что ему нужно? Похвалы?“

— И не думалъ: добрый.

— „Какъ же! Открывай ротъ...

— А то что?

— „Подлизаться.“

— Врешь!

Отъ спора недалеко и до потасовки, иногда довольно солидной, отвѣчающей важности причинъ и повода, обнаруживающей благородство одного и свинство другого.

„Сговоры“ противъ авдиторовъ, „ошибки“ послѣднихъ, какъ отмѣчавшихъ безъ спрашиванія, нерѣдко даже просьбы освободить отъ авдиторства,—все это были слабые, правда, протесты противъ неудачнаго способа контроля, но протесты, которые въ связи съ взглядами иныхъ учителей и въ виду грядущей реформы не могли не повести къ окончательному уничтоженію эратъ. Остались одни воспоминанія, часто веселыя, но нерѣдко заставляющія бурсака съ омерзѣніемъ вспоминать и того, кто назначалъ ему авдитора, и того, кто былъ его авдиторомъ...

III.

Гоненіе на „кулачки“.

А строгое и явное преслѣдованіе участія бурсаковъ въ кулачныхъ битвахъ, по-просту въ „кулачкахъ“, развѣ это преслѣдованіе не признакъ все той же ожидаемой реформы? Да какой еще! Не вчера ли сами учителя не только любовались кулачками издали, не только, видя участіе бурсаковъ, не „гонили“, а даже еще одобряли; сегодня—на тебѣ: не смѣть и—баста!

Въ сущности участіе бурсаковъ въ кулачныхъ бояхъ, послѣ перевода изъ П. семинаріи, было ничтожно и сохранялось больше по традиціи. Кулачки—дѣло „шкурниковъ“, иначе—кожевниковъ; но, живя на квартирахъ у тѣхъ же „шкурниковъ“, могли ли они не обнаружить нѣкоторой общности интересовъ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло касается поддержанія чести бурсы, хранившей преданія столь недавняго прошлаго? Между тѣмъ, самая организація кулачекъ уже вела къ тому, что не только „силачи“ бурсы, но даже и мелюзга—фара, и та оказывалась пригодной и не безполезной.

Уже осенью, съ наступленіемъ первыхъ холодныхъ дней, открывался сезонъ кулачекъ. Послѣ ранняго праздничнаго обѣда, на громадномъ валу, раздѣляющемъ городъ на двѣ части и составляющемъ его, кажется, необслѣдованный историческій памятникъ, начинали собираться: дѣти, подростки, юноши, взрослые и даже старики. Таковъ былъ нормальный порядокъ сбора. Взрослые и старики еще отдыхали, юноши норовили пристать къ старшимъ, и собирались раньше всѣхъ дѣти да подростки. На обязанности ихъ лежало „зарывать“, иначе—подзадоривать, начинать бой, вовлекать въ него, быть застрѣльщиками. Бой—не бой безъ надлежащей постепенности. Нельзя же явиться старшимъ и ни съ того ни съ сего начать тузить другъ друга! На городской сторонѣ, по сю сторону вала, среди дѣтей и подростковъ были уже и бурсаки. Въ подбитыхъ вѣтромъ пальтишкахъ, рваныхъ шапченкахъ изъ фиктивнаго барашка, заплатанныхъ сапоженкахъ, бѣгали они по валу и, купно съ товарищами по улицѣ, кричали они задорное: «Давай, давай, давай!» Получалось согласіе въ видѣ такого же приглашенія; бойцы—пигмеи сходились, награждали другъ друга тумаками, разбѣгались, снова сходились. Если схватка принимала сколько-нибудь серьезный характеръ, подростки оставляли свои мѣста зрителей, спѣшили на помощь «своимъ», и одна изъ сторонъ или сдавалась (садились—«сидячихъ не бьютъ», убѣгали), или побѣждала. Смотря, однако, по количеству собравшихся силъ, на подмогу налетали юноши, а если дальнѣшій ходъ дѣла того

требовалъ, то одинъ за однимъ выскакивали «изъ засады», обязательной для обѣихъ сторонъ, и взрослые, извѣданные бойцы, но выскакивали, строго соблюдая постепенность силы и ловкости, иногда включительно до «перваго силача». Такъ постепенно образовывался какой-то снѣжный комъ, непрерывно увеличивавшійся бойцами все посильнѣе и посильнѣе, пока, наконецъ, уже въ сумеркахъ, не вылетѣлъ изъ засады тотъ, о комъ не говорили даже «силачъ», но чьего имени страшилась даже противная сторона... Онъ рѣшалъ дѣло безъ боя: своимъ неожиданнымъ появленіемъ вызывалъ панику, слабые противники показывали тылъ, въ который безцеремонно и влетали подзатыльники, какъ послѣдній даръ побѣдителей. Зимой, когда рѣка,— историческая рѣка, видѣвшая смерть Бориса и Глѣба,—замерзала; когда дѣйствіе переносилось на ледъ, и схватки происходили уже между городомъ и Зарѣчьемъ; когда страшныхъ именемъ имѣли обѣ стороны, появленіе этихъ богатырей обозначало наступленіе момента страшнаго, кроваваго боя, за которымъ, конечно, слѣдовало то же бѣгство, побѣда, торжество, пораженіе, позоръ. Прозрачный ледъ рѣки долго хранилъ слѣды побоища и не знающій, въ чемъ дѣло, могъ бы подумать, что на льду недавно шелъ убой скота...

Предреформенная низшая бурса представляла блѣдную, конечно, копію старой бурсы съ семинаріей, но все же копію. Въ ней еще оставалась и прежняя организація кулачекъ. Были и «зарывавшіе», и «кулачники», и даже два—три силача, о которыхъ съ пренебреженіемъ говорили богатыри шкурники, рѣшавшіе битвы, но которые славились среди заурядныхъ бойцовъ и въ интимной бесѣдѣ между собой допускали несбыточныя мечты когда-нибудь соединенными, не ослабленными раньше силами дать отпоръ и самому богатырю противной стороны... Увы! Мечты такъ и оставались мечтами... Несчастный П-въ разъ навсегда лишился силачей большой бурсы, и ни для кого не было тайной, что маленькіе сравнительно силачи маленькой бурсы олицетворяютъ собою предсмертный вздохъ и этой предсмертной хранительницы традицій.

На квартирахъ, особенно на одной, у самаго вала, съ садикомъ, чрезвычайно удобнымъ для «засады», уже во время обѣда шли оживленные разговоры бурсаковъ: будутъ кулачки. Мало-по-малу сюда являются и изъ другихъ квартиръ, сосѣднихъ и отдаленныхъ. Затѣвается что-то недоброе, и старая Варочка, хозяйка, не шутя тревожится!

— «Ой, смотрите... наживу я съ вами горя!»

Опасенія понятны. Сами же бурсаки днемъ и ночью толкуютъ о реформѣ, сами же такіе страхи разсказываютъ про нее, что упаси, Боже: ну не ровенъ часъ... непремѣнно лишатъ квартиры...

— «О! Уже опять тащутся... И чего? Сидѣли бъ себѣ дома да уроки учили... Вотъ, ей Богу, возьму да и скажу инспектору... Что это такое за новости?!

Конечно, не Варочка сказала инспектору,—скорѣе всего—самъ онъ узналъ,—только на валу поставлены дежурные, которымъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность не допускать туда учениковъ, а буде кто прорвется, одинъ изъ дежурныхъ долженъ безъ оглядки бѣжать къ инспектору... Мыслимое ли однако дѣло, чтобы подобный приказъ былъ исполненъ? Въ крайности, сами же дежурные докажутъ, что шкурники ворвались въ садъ, и что ученики только вынуждены были ихъ гнать...

Сезонъ кулачекъ уже не тотъ, когда выступаетъ «вся сила», но народу собралось довольно. «Зарывавшіе»—фары и младшіе грамматики сдѣлали свое дѣло и ступевались: ихъ скромная, но вмѣстѣ и почетная роль теперь—хранить верхнее платье синтактиковъ, которые рѣшили во чтобы то ни стало сегодня кому-то «накласть». Крикъ, шумъ, схватка за схваткой... Еще минута, и—все слилось въ одну безпорядочную группу. Всякихъ размѣровъ кулаки усердно гуляютъ по головамъ. Уже и послѣдніе силачи бурсы оставили свои „засады“... Чья возьметъ? вопросъ если не жизни, то во всякомъ случаѣ чести...

„Учителя!!!“

— Го-го-го!... Ха-ха-ха!... Давай, давай!... Тю-тю-ю-у-у!

Что произошло—передать трудно. Вдали на одномъ изъ холмовъ вала стояла группа: инспекторъ съ своей палкой-клюкой, учитель одинъ, учитель другой, кто-то неизвѣстный, еще кто-то.—Бурсаки бросились назадъ. Ослабѣвшіе сторонники ихъ сѣли. Противники съ крикомъ, хохотомъ и гикомъ погнались за убѣгавшими. Но бурсаковъ уже и слѣдъ простылъ, точно сметены они были однимъ порывомъ вѣтра, точно вдругъ всѣ провалились сквозь землю... На валу остались только дежурные, предвкушавшіе удовольствіе похмелья въ чужомъ пиру...

Въ ожиданіи немедленнаго посѣщенія квартиръ и строжайшаго слѣдствія, явно провинившіеся бурсаки разбѣжались по квартирамъ и... чинно усѣлись за книги... Не одна хозяйка встрѣтила ихъ укоризненнымъ возгласомъ: „А что? Нарвались? Говорила я...“ Но слушать „нотацій“ хозяекъ было некогда. Если прійдетъ инспекторъ или кто-либо изъ учителей, квартирная хозяйка должна божиться и клясться, что изъ ея „паничей“ никто и не думалъ уходить изъ дому, что отъ обѣда и до сихъ поръ всѣ сидятъ за книгами, что даже лампы и свѣчи потребовали раньше, что чужіе еще съ обѣда тутъ—пришли вмѣстѣ учить уроки,—словомъ: должна была показывать вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ будутъ показывать и бурсаки. Бѣдные воины не соображали, что далеко не нужно было обладать дарованіями Лекока, чтобы всѣхъ уличить во лжи: разгорѣвшіяся отъ холода лица, взъерошенные волосы, у иного—даже свѣжіе синячки, вовсе не на урокахъ съ точнымъ „отсюда до сюда“ раскрытыя книги, присутствіе и такихъ чужихъ, которымъ совсѣмъ было не мѣсто,—все такъ ясно говорило о томъ, что не ясно было только для испуганныхъ бурсаковъ... Посѣщенія, однако, не было, а слѣдствіе произвели на другой день. Виноваты были всѣ, пострадали да и то не сильно—одни дежурные. Хотѣли, правда, жестоко наказать двухъ силачей, особенно, когда на физіономіи одного открыли черезъ-чуръ явные слѣды вчерашней битвы въ видѣ кровоподтековъ, а у другого нанковый сюртукъ оказался невозможно изорваннымъ, но... и того не сдѣлали: во-первыхъ, не такое время, чтобы затѣвать исторіи

которыя гораздо полезнѣе тушить;—во-вторыхъ, и мальчику извѣстно, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ;—въ-третьихъ,—наконецъ, для каждаго изъ этихъ немногихъ могиканъ такъ близка семинарія, что грѣшно губить карьеру... Все это такъ, тѣмъ не менѣе рѣшено, твердо и безповоротно рѣшено, „въ сурьезъ“, положить предѣлъ кулачкамъ. И его положили, положили путемъ простой бдительности, которая если еще и обходила иногда силачей, то развѣ только силачей...

— „Слава Богу!“ облегченно вздохнула не одна квартирохозяйка, особенно, конечно, изъ сосѣднихъ къ валу, а паипаче— Варочка: „Та то-жъ, Господы, дошлы до ка-зна чого... Чи ихъ же то дило?“

IV.

Ревизоръ.

Смутно представляя себѣ реформу, олицетворяя ее въ какомъ-то сказочномъ образѣ, улавливая нѣкоторые признаки ея наступленія и не будучи въ состояніи, на основаніи этихъ признаковъ, нарисовать себѣ нѣчто цѣльное и болѣе или менѣе опредѣленное, бурсаки узнали одно: появится предтеча реформы—ревизоръ, и за нимъ уже, не медля, вступитъ во всѣ свои права и реформа. Удивительно ли, что вниманіе всѣхъ было сосредоточено на ожиданіи ревизора? Страхъ ревизора не поддается рѣшительно никакому описанію... Его боялись прежде всего учителя, за учителями дрожали и ученики; о немъ не безъ смущенія проговаривался иногда ректоръ, при его имени что-то непостижимое творилось и съ инспекторомъ; даже сторожъ, наэлектризованный разговорами всѣхъ о ревизорѣ, начиналъ глупо суетиться, какъ бы готовясь къ пріему. Всѣ эти страхи имѣли, конечно, большое основаніе. Низшая бурса тогда не знала, какъ теперь, учителей съ высшимъ образованіемъ: должности ихъ занимали прошедшіе только курсъ семинаріи. Ректоръ, положимъ, былъ академистъ, Мазница тоже, говорятъ, учился нѣсколько лѣтъ въ академіи; но, во-первыхъ, это не

было общее явленіе, а во-вторыхъ, потому же ректоръ и не стѣснялся аттестовать всѣхъ учителей „бурсачвой“ и даже „дрянью“. Ревизоръ, между тѣмъ, долженъ былъ быть никто иной, какъ „профессоръ семинаріи“. Многолѣтняя служба въ глухомъ городишкѣ, безконтрольное веденіе дѣла приводило къ тому, что учителя черезъ-чуръ уже отставали въ своей несложной наукѣ. По познаніямъ, они стояли, конечно, выше даже синтактиковъ, но „профессоръ семинаріи“, будь онъ какой угодно спеціальности, могъ легко „срѣзать“ каждаго. Вотъ этого-то и боялись учителя, боялись не на шутку... Среди бурсаковъ ходило не мало анекдотовъ о ревизорахъ. Анекдоты эти распространялись семинаристами, бывшими воспитанниками того же училища и въ письмахъ своихъ вравшими немилосердно... Теперь они пророчили пріѣздъ то одного, то другого „профессора“, приписывали каждому черты Юпитера, безбожно запугивая не только учениковъ, но и учителей, которые часто переписывались съ семинаристами же. Все сводилось къ одному: дока и гроза! Объ одномъ писали, что когда онъ читаетъ „лекціи“ (непремѣнно—„лекціи“, ибо уроки—въ училищѣ...), то никто ничего не понимаетъ,—высшая похвала и наиболѣе устрашающій отзывъ! Другаго аттестовали геніемъ, отъ котораго ничто не укроется, какъ отъ какого-то ясновидящаго,—похвала администратору. Третій—сила: и не боится и самаго архіерея, съ которымъ на экзаменѣ вступаетъ въ споръ. Словомъ: который бы ни пріѣхалъ, все-равно, держи ухо востро. Оставалось вздыхать, говорить и ждать пріѣзда барина.

Раннее зимнее утро. Чуть свѣтаетъ. Въ квартирѣ не спитъ только хозяйка, занятая варкой галушекъ, обычнаго завтрака бурсаковъ *). Въ наружную дверь кто-то немилосердно стучитъ. Слышится въ сѣняхъ вопросъ хозяйки, желающей знать, въ чемъ дѣло. Утренній вѣстникъ полноправно врывается въ квартиру и выкрикиваетъ, еле переводя духъ, страшное слово, которое у

*) Конечно, кромѣ субботы съ ея традиціонными блинами.

меня, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ „Ревизоръ!“

Выстрѣломъ изъ пушки не удалось-бы поднять такъ вдругъ на ноги всѣхъ бурсаковъ... Не минута, не пол-минуты, прошла буквально секунда—и десятокъ синтактиковъ, грамматиковъ и фаръ, въ однѣхъ рубахахъ и босыхъ, окружили вѣстника, уже готоваго бѣжать дальше.

«Что—о—о? Какъ? Куда? Постой-же!..»

Вѣстникъ не въ силахъ выговорить ничего больше. Онъ едва успѣваетъ показать нѣсколькимъ счастливцамъ манускриптъ самого ректора, начинающійся словами: «Пріѣхалъ ревизоръ О-въ...» Этотъ манускриптъ онъ долженъ показать учителямъ, наскоро сообщить содержаніе его по всѣмъ квартирамъ и принести обратно ректору,—понятно опасеніе, чтобы бурсаки не проглотили столь важнаго клочка бумажки. Вѣстникъ свое дѣло сдѣлалъ и исчезъ, ошеломивъ бурсаковъ...

Одѣться, помолиться Богу, собрать книжки, было дѣломъ не многихъ минутъ, молчаливыхъ, но полныхъ суетливаго страха. Недоварившіяся галушки остались въ полное распоряженіе хозяйки; некогда,—надо спѣшить въ классъ... Почему спѣшить? Для чего? Что дѣлать тамъ? Объ этомъ никто не думалъ и думать не могъ: если бы извѣстіе о пріѣздѣ ревизора получилось и среди ночи, навѣрное не стали бы ждать утра... Понималъ это и сторожъ. Сдѣлавъ необычно тщательную приборку классовъ ночью, онъ оставилъ ихъ отпертыми,—кстати, красть въ нихъ нечего было,—а когда ввалила толпа бурсаковъ, онъ только замѣтилъ серьезно и многозначительно:

— „Не шумѣть же!“

Можно было подумать, что ревизоръ уже въ какомъ-нибудь классѣ. Предостереженіе сторожа было совершенно лишнее: бурсаки не только не расположены были «шумѣть», но каждый былъ больше, чѣмъ когда-либо, озабоченъ и серьезенъ; казалось, самый пріѣздъ ревизора каждый бурсакъ понималъ не иначе, какъ состоявшимся исключительно для него одного... Въ полутемныхъ еще классахъ всѣ чинно усѣлись за парты и, тре-

вожно поглядывая въ окна, принялись зубрить и пройденное, и на сегодня заданное. Разговоровъ почти не слышно.

— „Охъ... Что-то будетъ?!“

— Не мѣшай!...

И сосѣдъ долженъ замолчать, хотя и чувствовалъ непреоборимое желаніе поговорить, высказаться.

— „Господа!“ обращается кто-то въ пол-голоса къ классу: „скажемъ, что этого еще не учили... собьетъ“...

— Чш—ш...!

У всѣхъ ёкнуло сердце. Оказалось, что явился еще только предвѣстникъ—Мазница. Ускореннымъ шагомъ обошелъ онъ классы и всюду далъ одно и тоже наставленіе:

— „Эратъ подавать не нужно. Пока не скажутъ, не садиться. На всѣ вопросы отвѣчать стоя. Не забывать кланяться. Не сорить. На перемѣнахъ ходить смирно. Молитву читать не спѣша. Ногами не топать. Рукъ на парты не выставлять“...

— „А въ рукава, господинъ инспекторъ, можно?“ робко и невольно вставляетъ кто-то.

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, не праздный. Сараи—классы никогда не отапливались. Холодъ всегда былъ нестерпимый. Галошъ никто не имѣлъ. Удивительно-ли, что ноги согрѣвали топаньемъ, а руки держали заложенными въ рукава байковыхъ пальтишекъ?

— „У кого истрепанныя и замаранныя книги, не вынимать. Не перешептываться. Не подсказывать. Смотрѣть на ревизора...“

Если бы, однако, господинъ Мазница и вовсе умолчалъ о направленіи взоровъ учениковъ, послѣдніе не поступили-бы иначе: слишкомъ ново, долгожданно и необычно было появленіе ревизора, чтобы потерять случай навсегда запечатлѣть фантастическій образъ того, въ чьихъ рукахъ теперь судьба всей бурсы, а послѣ—судьба каждаго бурсака, непремѣнно мечтающаго быть въ семинаріи.

Ревизоръ не заставилъ себя долго ждать. Да и что было дѣлать въ П-вѣ? Общежитія не было, библіотека помѣщалась

въ одномъ небольшомъ шкафикѣ въ учительской, канцелярія... но, вопреки мнѣнію о старинной канцеляріи, ея-то именно и не знало почти училище. И ревизору совершенно достаточно было посѣтить уроки да квартиры. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Вошелъ въ классъ маленькій, юркій человѣкъ. Низкимъ поклономъ и привѣтливымъ обращеніемъ онъ сразу же подкупилъ всѣхъ. Отлегло отъ сердца, такъ тревожно бившагося въ ожиданіи чего-то, непремѣнно страшнаго. Онъ сѣлъ за скамью, не смотря на ея крайнія неудобства и на то, что стулъ для него былъ приготовленъ. И это всѣмъ понравилось. Начался урокъ. Учитель географіи велъ его смѣло и увѣренно. Говорили, что въ старшемъ классѣ урокъ его прошелъ хорошо, ревизоръ похвалилъ, слѣдовательно, понятна смѣлость.

— „Холодно вамъ..." не то спросилъ, не то такъ себѣ замѣтилъ, но съ видимымъ участіемъ „профессоръ", обращаясь къ ученикамъ, когда урокъ кончился.

— Нѣтъ, тёпло!... тёпло!... вдругъ загалдѣли смѣло голоса.

Ревизоръ разсмѣялся. И было чего: бѣдные бурсаки никакъ, вѣдь, не могли себѣ представить, чтобы можно было иначе отвѣчать и не выручить начальства... Они готовы были для поддержанія чести заведенія конюшню превратить въ баню. Вмѣшался учитель. Онъ пояснилъ, что холодъ въ классахъ очень большое неудобство. Ревизоръ ничего не сказалъ и снова обратился къ ученикамъ съ какимъ-то вопросомъ. Къ этому времени вошелъ Мазница и нашелъ случай доложить, что на предшествующемъ урокѣ онъ занимался въ этомъ классѣ переводомъ съ русскаго на латинскій примѣровъ...

— «Я имъ такъ, безъ книги... наизусть...

— Ну, и вретъ же! подумалъ, конечно, каждый бурсакъ.

Ревизоръ заинтересовался. Спросилъ, какой послѣдній примѣръ переводили. Мазница поспѣшилъ ткнуть пальцемъ въ одного бойкаго ученика.

— «Читай!»

— Читайте, читайте! повторилъ ревизоръ, подчеркивая множественное число.

Пока ученикъ бойко отчеканивалъ длинный примѣръ, который заучивали цѣлый часъ, и разъяснялъ, почему «non locus et vestis discipulum ornat», а наоборотъ, прочіе съ яв-нымъ злорадствомъ поглядывали на Мазницу, по общему мнѣ-нію, уже сконфуженнаго: обратился на «ты» и—осѣкся,..

На другой день повторилось почти тоже самое, только ревизоръ слушалъ урокъ уже не географіи, а русскаго языка; на третій—Закона Божія,—по три урока въ день въ трехъ классахъ. Никого не «срѣзалъ», если не считать недоразумѣ-нія на урокѣ русскаго языка, когда ученикъ эффектно прочелъ періодъ въ стихахъ, а учитель, вынужденный объяснить слова «ложная мудрость» понесъ такую чепуху, что ревизоръ посовѣ-товалъ «оставить это»; ни на кого не кричалъ, былъ тихъ и деликатенъ; внушилъ къ себѣ необычайное довѣріе учениковъ... *Не того ждали!* Это и было темой разговоровъ за обѣдомъ и на сонъ грядущій во дни ревизіи... Отличившіеся ученики были, конечно, героями дня...

— «Что же врали семинаристы въ письмахъ про О-ва?»

— Какъ врали?

— «Да такъ: врали и—баста...

— А, можетъ и не врали!

— «Какъ же! Этотъ-то все узнаетъ? Ожидай...»

— А можетъ и узнаетъ?

— «Да что онъ узнаетъ? Посидитъ, посидитъ на урокахъ и кончитъ ревизію...»

Скоро, однако, и скептики должны были признать, что О-въ дѣйствительно много узналъ. Перемѣна взгляда произошла главнымъ образомъ послѣ того, когда онъ на четвертый день посѣтилъ квартиры. Во-первыхъ, умудрился посѣтить чуть-ли не всѣ въ одно время, очень искусно лишивъ возможности заранѣе узнать суть его осмотра. Во-вторыхъ, на квартирахъ въ 5—10 минутъ успѣлъ заглянуть въ такія норы, что не одна хозяйка только руками всплеснула. Наконецъ, внушен-нымъ ученикамъ довѣріемъ воспользовался такъ ловко, что иные учителя и даже нѣкоторые ученики послѣ отъѣзда реви-зора должны были почувствовать себя прескверно.

Какъ это могло случиться? Ларчикъ открывался довольно просто.

Ревизоръ, очевидно, уже прибылъ со значительной подготовкой: услужили вовсе даже неумышленно семинаристы, недавніе питомцы П-ой бурсы... Осмотрѣвъ извѣстную квартиру, онъ бралъ одного ученика, который долженъ былъ проводить его до воротъ слѣдующей, названной ревизоромъ. Во время осмотровъ не только на неосмотрѣнныхъ квартирахъ всѣ ученики оставались дома, но даже изъ посѣщенныхъ никто не рѣшался выйти за ворота: было что-то и сказано, было и повторное, чреватое послѣдствіями, посѣщеніе квартиры... «по ошибкѣ» что-ли. По недлинному пути «проффесоръ» успѣвалъ поставить осчастливленному чичероне нѣсколько вопросовъ съ такой простотой и такъ подъ-часъ незамѣтно, что никакое чувство чести бурсы не могло спасти: и бурсакъ «проговаривался», наивно обнаруживая то, что, при другихъ условіяхъ, имъ же самимъ было бы прикрыто.

— «А вы тоже были въ числѣ тѣхъ, кому инспекторъ «пали корешками" *) давалъ?

— Въ этомъ году никого не били! увѣренно и наивно отвѣчаетъ чичероне.

— «Да, да... а въ прошломъ году и васъ били?

— Разъ... шепчетъ бѣдный, сконфуженный бурсакъ...

— «А кто же бывалъ на урокахъ, когда учителя выѣзжали изъ города?»

Это случалось въ праздничные дни. Чудныя окрестности, гостепріимные сельскіе батюшки и матушки,—какъ не провести праздничный вечеръ гдѣ-нибудь въ деревнѣ на берегу Днѣпра? И на другой день какъ поспѣть на уроки? Да и къ чему? Кто узнаетъ? Спрошенный жмется, не находитъ, что отвѣчать, ревизору и не нужно больше...

---

*) „Пáли" соб. битье линейкой по ладони. Мазница любилъ прежде линейку замѣнять корешками пучка розокъ. Не придумали другого названія, остались „пали" и тутъ.

И сколько несчастныхъ бурсаковъ, безусловно даже ставившихъ выше всего честь бурсы, попались, какъ куръ во щи, нечаянно сошіонничавъ! Можно себѣ представить и то, какое впечатлѣніе произвели на всѣхъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ на улицѣ!... Иные даже съ счастливѣйшей улыбкой передавали разговоры, иные прилагали къ нимъ и лишнее; но... улыбка довольнаго вдругъ смѣнялась гримасой натворившаго бѣдъ, когда выяснились «фокусы» дипломата.

Говорилъ ли ревизоръ что-нибудь учителямъ,—осталось тайной, только училище послѣ отъѣзда ревизора стало во многомъ неузнаваемымъ... Что укрѣпилось «вы»—это конечно вздоръ. Но откуда у учителей явилось столько прыти? Съ чего стали они вдругъ «ужасно» исправными? Почему такъ откровенно присмирѣлъ Мазница? Какія это завелись собранія учителей безъ выпивки и преферанса? О какихъ бумагахъ изъ «Правленія Семинаріи» толкуютъ они? Что такое?

Увы! бѣдные бурсаки, терявшіеся въ догадкахъ, что принесетъ имъ реформа, которую долженъ же былъ привезти съ собой ревизоръ, теперь еще больше растерялись. Когда же 18-лѣтнему верзилѣ, уже второе пятилѣтіе сидѣвшему въ 1 (по счету бурсы—второй) классѣ *) и рѣшительно недоумѣвавшему, какъ выкарабкаться изъ фаръ, было объявлено, что на четверый повторительный курсъ уже нельзя оставаться, онъ выразилъ настроеніе многихъ длительнымъ звукомъ: «фю—ю—ю!...»

П. Борзаковскій.

*) Курсъ класса—2 года; былъ одинъ, просидѣвшій 3 или 4 курса, не помню по изъ перваго класса вышедшій прямо „въ жизнь“.

2007079059